

Из истории русской кириллицы: фонологические основы эволюции в контексте межкультурной коммуникации

*кириллица, письмо, алфавит, графика, орфография,
фонологическая система, фонема*

История письма – яркое проявление межкультурной коммуникации, так как письмо, в частности алфавитное, обычно заимствуется и значительно реже изобретается. Даже в тех случаях, когда новый алфавит возникает в процессе индивидуального творчества, как, например, в случае **глаголицы**, созданной Константином Философом в 863 г. для не имевших письма славян, или в случае оригинального корейского алфавита **хангыль**, который появился в результате работы корейских филологов в середине XV в., чтобы сменить иероглифическое письмо **ханча**, процесс создания письма происходит во взаимодействии с другими алфавитами и системами графики, т. е. в контексте межкультурной коммуникации.

Главными факторами при изобретении письма для бесписьменного языка являются, с одной стороны, фонологическая система языка, для которого оно создается, с другой стороны, графические системы, с которыми оно взаимодействует. Например, при создании глаголицы такими разнонаправленными, но взаимодействующими факторами были фонологическая система родного для Константина-Кирилла солунского диалекта и графика греческого письма. Отсюда и включение в славянский алфавит ненужных, с точки зрения славянской фонологической системы, греческих букв. Так, по мнению Н.С.Трубецкого, греческое «графическое мышление» побудило Константина ввести в глаголицу букву ω («ωть») для дифференциации однофонемных славянских слов предлога *о* и междометия *ω!*, заимствованного из греческого языка [Трубецкой 1954: 19]. Видимо, мотивация включения «омеги» в глаголицу была еще глубже, так как трудно представить себе первоначальный славянский алфавит без этой буквы, если учесть формулу завершенности греческого алфавита – «от α до ω » (ср. *Азь есмь ал'фа и ωмега начатокъ и конецъ*). Еще в большей степени это относится к кириллице, первоначальный вид которой представлял собой греческий алфавит, дополненный буквами глаголицы, предназначенными для передачи славянских фонем, отсутствовавших в греческом. Славянские книжники, видимо, воспринимали кириллические и греческие буквы как графемы одного алфавита, важной структурной особенностью которого было то, что он начинался с α / λ и заканчивался ω / ω . Например, с этих позиций вопрос о законченности или незаконченности кириллической Софийской азбуки XI в., которая, начинаясь с λ и заканчиваясь ω , представляет собой последовательность из 27 букв (число соответствует полному набору букв греческого алфавита), решается в пользу первой альтернативы [Зализняк 1999: 555–558]).

Таким образом, несмотря на то, что глаголица и кириллица в первую очередь должны были обслуживать фонологические системы славянских

диалектов, некоторые из букв славянских азбук изначально оказались дублетными с точки зрения их звукового значения, например, *o* и *wo*, которые в греческом обозначали разные фонемы /*o*/ и /*o:*/, но в славянском, где такого противопоставления не было, обе буквы передавали одну фонему /*o*/.

Некоторые буквы становились дублетными в результате происходивших фонологических изменений. Так, после падения редуцированных гласных и появления славянских консонантных групп /*ks*/ и /*ps*/ буквы *ѣ* и *ѵ*, первоначально предназначавшиеся для передачи соответствующих сочетаний в неосвоенных заимствованиях из греческого, стали дублетами буквосочетаний *кс* и *пс*.

Магистральной линией развития русской кириллицы было изменение исходных звуковых значений букв и ликвидация букв-дублетов. До Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. это происходило в значительной степени стихийно – сначала в процессе приспособления кириллицы к древнерусской фонологической системе (утрата *ж* и *ѣж*, изменение звукового значения *ѣ*, замена южнославянской одноеровой графики, широко представленной в текстах 1-й половины XI в.), затем в результате происходивших фонологических изменений (падение редуцированных, утрата *я* и т. п.).

Однако более интересными в истории русского письма были попытки найти в нем средства для обозначения появляющихся по ходу развития звукового строя новых фонем и фонологических различий, для передачи которых кириллица, естественно, не имела специальных букв.

Для начала кратко остановлюсь на том случае, когда кириллический алфавит справился с задачей, используя свои внутренние ресурсы, а именно, на обозначении палатализованных согласных фонем, появившихся в результате главного события в истории русского консонантизма, не очень удачно называемого «вторичным смягчением полумягких согласных», которое в свою очередь было закреплено главным событием в истории русского вокализма – падением редуцированных гласных. На эту глобальную перестройку звукового строя система русского письма отреагировала введением «слогового» принципа графики, когда признак твердости/мягкости парного согласного обозначается следующей гласной буквой или *ъ/ь*. Нельзя исключить, что уже в глаголице Константин Философ частично предвосхитил «слоговой» принцип графики, сознательно обозначая палатальные фонемы /*ń*, /*í*, /*ř*/ перед гласными фонемами заднего ряда /*u*/ и /*o*/ «йотированными» гласными буквами *р* (*ю*) и *ѣ* (*ѣж*)¹. Идею обозначать палатальность согласного буквой гласного (ср. *коню* ‘коню’ Д. ед., *воѣж* ‘волю’ В. ед.) он мог почерпнуть из современной ему греческой графики, где уже в IX в., видимо, были палатальные согласные [*í*], [*ń*]: ср. *ἐννέα* [*eńá*] ‘девять’, *λιοντάρι* [*lontári*] ‘лев’ [Кузьменко 1985: 50].

Однако в истории русского письма встречаются случаи, когда изначально дублетные буквы начинали использоваться для обозначения новых фонологических различий, возникших в результате произошедших фонетических изменений. Так случилось после появления в системе гласных древнерусско-

¹ Н.С.Трубецкой, впрочем, считал, что *р* и первый элемент « обозначали фонемы переднего ряда /*ü*/ и /*ö*/, и тогда обозначать палатальность перед ними не было необходимости, так как, по его мнению, палатальные /*ń*, /*í*, /*ř*/ и непалатальные /*n*, /*l*, /*r*/ в этой позиции не различались [Трубецкой 1954: 31].

го языка новой фонемы /ô/ – «о закрытого». Поскольку древняя кириллица не имела для /ô/ специальной буквы, то по традиции обе фонемы – /ô/ и /o/ – обозначались буквой о. Некоторые писцы, которые ощущали необходимость отразить фонологически существенное противопоставление, нашли средство для передачи /ô/, воспользовались дублетной буквой ѡ (стѡлѣ, вѡлю, высѡкѣ, но носѣ, водоу, доубокѣ). Кроме «омеговой», были и другие системы передачи на письме противопоставления /o/ и /ô/, например «каморная», в которой для обозначения /ô/ использовали ѡ̇ (стѡлѣ, вѡлю, высѡкѣ, но носѣ, водоу, доубокѣ). Позднее совпадение /o/ и /ô/ опять сделало графемы о и ѡ дублетными.

Значительно более изощренная система обозначения нового /ô/ («украинского» типа, т. е. возникшего из старого /o/ перед выпавшим слабым редуцированным, параллельно с «новым ятем») представлена в молитвенных надписях на Суздальском змеевике (видимо, 2-й четв. XII в.). В настоящее время это, наверное, самый древний памятник с отражением новых /ê/ и /ô/ галицко-волынского типа. Как показало исследование его графико-орфографической системы [Гиппиус 1998: 550–555], при последовательном сохранении еров (ср. ѣѡѣсьскѣе, мирьные, въ мирѣ, дѣчѣриеѡ, сънѣ 2х и др.) буквы ѣ и ѣ̇ обозначают не только /ь/ и /ъ/, но и старые (открытые) /е/ и /о/ (крѣсть в.м. крѣстѣ Зв., хрьѣньни в.м. хрьѣнени, нарѣчьныма в.м. нареченыма Д. дв., раѣтъма в.м. раѣѡма Д. дв., пѣмѣзи в.м. помѡзи и др.). Получается, что ѣ̇ обозначает /ъ/ и /о/, а ѣ – /ь/ и /е/. Новый /ê/ обозначается ятем (ср. въ ѣѡѣсьскѣе гѣрь в.м. въ ѣѡѣсьскѣи горѣ, дѣчѣриеѡ в.м. дѣчѣрию), а /ô/ – о (своима 2х, отрокѣ, гѡорьгиеѡ в.м. гѡорьгию, живѡтъьныѣ). Такая система должна была сформироваться после фонологизации новых /ê/ и /ô/, но до полной утраты слабых и прояснения сильных еров: «Из двух альтернативных решений – 1) обозначать на письме различие между открытыми /е/, /о/ и закрытыми /ê/, /ô/, пожертвовав различием /е/, /о/ и /ь/, /ъ/, или наоборот – 2) сохранить различие /е/, /о/ и /ь/, /ъ/, игнорируя новое противопоставление, – в условиях начавшегося падения редуцированных писец выбрал первое» [Попов 2017: 434–435].

Следующий сюжет связан с малорусско-великорусским взаимодействием. В XVIII в. для формирующегося литературного языка нового типа актуальной стала проблема создания графического средства для обозначения противопоставления [ɣ] фрикативного и [g] взрывного (бла[ɣ]о, а[ɣ]нец, но [g]ород, я[g]неок). В XVIII и даже в 1-й половине XIX в. [ɣ] (или [h]) было признаком церковного произношения и соответственно было основным звуковым значением буквы г. Вопрос о новой букве для [g] был поставлен В.Е. Адодуровым в «Грамматике» 1738–1740 гг. Он считал полезным для передачи свойственного разговорному московскому произношению взрывного [g] ввести в русскую азбуку (вслед за «малороссиянами») «литеру г̣, которая произношением сходна с латинским или с польским g» (цит. по [Успенский 1975: 94–95]). В юго-западных (малорусских) памятниках письменности использование буквы г̣ для передачи [g] в заимствованных словах отмечается с XVI в. По начертанию она восходила к курсивной или декоративной греческой γ и называлась «гамма»

(сокращенно «га»). Интересно, что малорусская и великорусская ситуации в отношении к употреблению этой буквы были в некотором смысле противоположными: в украинском письме **г** передавала [g] в заимствованиях, а в русском должна была бы обозначать собственный звук [g], представленный в обиходных русских словах. К предложению Адодурова, впрочем, без упоминания последнего, присоединился В.К.Третьяковский, посвятив обсуждению данного вопроса пространный пассаж в своем «Разговоре об орфографии» и предложив для **г** в качестве возможного варианта название «голь» [Третьяковский 1748: 380–386].

Противником этого нововведения был М.В.Ломоносов, в ходе полемики написавший стихотворение «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке» (1748–1754): *Бугристы берега, благоприятны влаги, / О горы с гроздами, где греет юг ягнят. / О грады, где торги, где мозгокружны браги, / И деньги, и гостей, и годы их губят <...>*, заканчивающееся ироническим вопросом: *От вас совета жду, я вам даю на волю: / Скажите, где быть га и где стоять глаголю?* Этим стихотворением, изобилующим словами с буквой г, Ломоносов, очевидно, хотел показать, что в условиях вариативности в произношении звука, обозначаемого буквой г (одни слова произносились с [ɣ] (*бла[ɣ]о*), другие с [g] (*[g]усь*), а многие и с [ɣ], и с [g] в зависимости от стиля – *[ɣ]ромъ* и *[g]ромъ*), нецелесообразно вводить отдельную букву **г** («га») для [g]. Ломоносов считал, что в книжном (ораторском) произношении следует читать г как [ɣ], а в иностранных словах г – как [ɣ], где пишется **h**, и как [g], где пишется **g** в языке-источнике, но в своей грамматике он предусмотрительно отказался давать четкие рекомендации относительно того, в каких словах нужно произносить [ɣ] (по-книжному), а в каких – [g] (как в «простых разговорах»). Кроме того, принимая во внимание, что различие между [ɣ] и [g] чисто стилистическое, буква г может обозначать не только [ɣ] и [g], но также [v] («моего, *сильнаго* говорят *моево, сильнаво*»), [k] и [x] («выговаривают *нохти, друкъ, Бохъ*»), Ломоносов исходил из того, что «для чужеземных выговоров (т. е. для иностранного [g] – *М.П.*) вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною понимаемся» [Ломоносов 1755: 43]. Надо признать, что стратегически Ломоносов оказался совершенно прав, так как произносительная норма быстро менялась и круг слов, где произносился [ɣ], неуклонно сокращался. Впоследствии не раз звучали предложения ввести, напротив, специальное обозначение уже для звука [ɣ] путем добавления к букве г какого-либо диакритического знака: **г̣**, **б̣**, **ф̣** и т. п. [Грот 1876: 261].

После того как гражданская азбука, включавшая 37 букв, была узаконена Академией наук в 1758 г. и передана в руководство типографии для набора и издания светских (не церковных) книг, в русском алфавите появилась лишь одна новая буква – **ѐ**, которая пришла на смену диграфу **ѣѐ**. Пока литературным было церковное (книжное) произношение, на письме не было нужды в специальном обозначении фонемы /o/ одновременно с указанием на мягкость предшествующего согласного, поскольку в церковное произношение переход е в о, характерный для московского просторечия, не проникал, а согласные перед /e/ произносились твердо. Однако по мере распространения светского книжного произношения, всё больше ориентировавшегося на московское разговорное, возникала потребность использовать особую графему для передачи

ударного гласного в таких словах, как *медь* /m'ot/, *идеть* /id'ot/, *береза* /b'er'óza/ и т. п. Появление диграфа **іѠ** возрождало использованный еще в древней кириллице прием обозначения мягкости согласных диграфами – йотированными гласными: ср. $\kappa < \text{і} + \epsilon$; $\text{га} < \text{і} + \text{а}$; $\text{ю} < \text{юу} < \text{і} + \text{оу}$ ¹.

О функционировании буквы **іѠ** в русском письме известно с 1730-х гг. Впервые ее употребление описал в своей грамматике В.Е.Адодуров, который указал, что она регулярно употребляется в иностранных словах (ср. *МаіѠрка*) и иногда в русских (ср. *біѠтъ*, *всіѠ*). В русском письме диграф **іѠ**, у которого были весьма влиятельные недоброжелатели, так и не был утвержден каким-либо официальным постановлением Академии наук. В 1783 г. Е.Р.Дашкова, президент Российской Академии, предложила собранию Академии утвердить букву **іѠ** (и одновременно букву **ѣ** для взрывного [g], т. к. в литературном произношении буква **г** читалась как фрикативное [ɣ]), но это так и не было сделано [Власов 2008]. Вскоре, однако, у этого почтенного диграфа появился молодой конкурент – **ѣ**, введенная в русскую типографскую практику Н. М. Карамзиным в 1797 г. Таким образом, если в 1-й пол. XVIII в. буква **іѠ** в первую очередь предназначалась не для русских слов, а для заимствованных, и только во вторую для русских, то пришедшая ей на замену буква **ѣ**, была создана Карамзиным для употребления именно в русских словах (ср. *слѣзы*). Это, видимо, свидетельствует о сдвигах в светском книжном произношении, которое к концу века все больше удалялось от церковного произношения и сближалось с разговорным.

Обычно две точки над **е** рассматривают в контексте немецкого влияния. Против такого нововведения резко выступал А.С.Шишков, усматривавший в начертании буквы **ѣ** «перенос двух точек с иностранных букв на нашу», а сам звук, изображаемый этой буквой, полагал «простонародным» и «безобразным». Не прошло и двухсот лет с тех пор, как Шишков третировал букву **ѣ** за иностранное происхождение, а теперь некоторые деятели отечественной культуры объявляют ее чуть ли не духовной скрепой и «одним из символов русского менталитета».

При поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-02042.

Литература

Власов С.В. К истории буквы Ё: легенды и факты / С.В.Власов // Письменная культура народов России. Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. Омск, 2008. С. 25–30.

Гиппиус А.А. О надписях на Суздальском змеевике / А.А.Гиппиус, А.А.Зализняк // Балто-славянские исследования 1997. – М.: Индрик, 1998. – С. 540–561.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд., значит. пополн. // Грот Я.К. Филологические разыскания. – Т.2. – СПб., 1876. – 460 с.

Зализняк А.А. О древнейших кириллических абecedариях / А.А.Зализняк // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. – М.: ОГИ, 1999. – С. 543–576.

¹ Возникновение в древней кириллице для обозначения /ju/ буквы ю, развившейся, видимо, в результате «редукции» из юу, оказалось возможным именно вследствие того, что в древних славянских языках отсутствовало сочетание палатальных согласных с /o/, а поэтому ю не могло обозначать /jo/.

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе / Ю.К.Кузьменко // История лингвистических учений: Средневековая Европа. – Л.: Наука, 1985. – С.11–62.

Россійская грамматика Михайла Ломоносова. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1755. – 214 с.

Попов М.Б. Об относительной хронологии падения редуцированных, появления нового ятя (/ê/) и /ô/-закрытого в древнерусском языке / М.Б.Попов // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Vol. 122. 45th International Philological Conference (IPC 2016). 2017. P. 432–435.

Расговоръ между Чужестраннымъ челоукомъ і Россійскимъ объ ортографіи старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи / Сочіненъ Васільемъ Тредіаковскимъ, Профессоромъ Елоквенціи. – Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ, 1748. – 460 с.

Trubezkoy Nikolaus S. Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Im Auftrage der Akademie herausgegeben von Rudolf Jagoditsch. – Wien, 1954. – 197 с.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики / Б.А.Успенский. – М., 1975. – 232 с.

Казанский федеральный университет

Международная конференция

**Лингвокультурологические
исследования развития
русского языка
в условиях
полиэтнической среды
опыт и перспективы**

Казанский федеральный университет
1–4 октября 2018 г.

Труды и материалы
Том 2

КАЗАНЬ
2018

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Л59

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
«Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»
(Государственный контракт № 2018.49323 от 18.09.2018)*

Под общей редакцией
Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак

Л59 **Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы:** тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 2.– 228 с.

ISBN 978-5-00130-043-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-041-0

Во второй том трудов и материалов Международной конференции «Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы» включены доклады, заявленные на секции: «История русского языка: фонетика, грамматика, лексика», «История славяно-русской письменности: палеография и текстология. Digital Humanities», «Современный русский язык. Прикладное языкознание».

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-00130-043-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-041-0

© Издательство Казанского университета, 2018